

УДК 008**Гёте и Шиллер: культурно-политическое противоречие
относительно проблемы единства Германии****Фидарова Фатима Казантемировна**

Кандидат культурологии,
доцент кафедры немецкого языка и культуры,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: fidarova@inbox.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу отношения великих немецких классиков Гёте и Шиллера к проблеме „единство Германии“, «объединенная страна» в культурном и политическом пространстве. Общественное сознание народа формируется на основе существующей культуры, которая, в свою очередь, впитывает в себя историческую обстановку и политическую культуру страны. Великие поэты и писатели Германии всегда стремились погрузиться в культурные и исторические вызовы своей страны и обозначить свои политические воззрения. Однако удивительным и практически малоизвестным фактом остается отношение Гёте и Шиллера к французской революции и созданию единой Германии. Гёте и Шиллер выбрали путь без революционных потрясений как основу культурной и политической стабильности своей страны. Выбирая главным аспектом своего внимания человеколюбие, что весит человек на весах человечества, Гёте и Шиллер как главные представители эпохи немецкого Просвещения не верят в будущее централизованное начало Германии. Гёте не страшит, если Германия останется разобщенной, для него главное сохранить превосходную структуру страны как непрменный залог успеха в пространстве культуры и политического превосходства. Тем не менее главное условие у Гёте, чтобы немцы пребывали в любви друг к другу! И всегда были против внешнего врага. Актуальность данной темы продиктована современным кризисом культурно-политических ценностей в Европе, но данный анализ воззрений великих поэтов, „ведущих личностей“, может способствовать поиску мирного решения политических и культурных противоречий в контексте политической культуры.

Для цитирования в научных исследованиях

Фидарова Ф.К. Гёте и Шиллер: культурно-политическое противоречие относительно проблемы единства Германии // Культура и цивилизация. 2024. Том 14. № 8А. С. 218-227.

Ключевые слова

Культура, единая Германия, управление государством, культурная изолированность, противоречие.

Введение

Многие поэты и мыслители в разрозненной Германии осознавали необходимость создания единого государства с новой политической культурой. Ярким примером в этом культурно-политическом контексте является космополит Гердер, который уже в 1778 году просил императора Иосифа «дать немцам одно отечество», что по сути означало культурное созидание и политическое возвышение Германии [Шерр, 2005, 149].

Гёте и Шиллер будущее Германии видели в политической и культурной изолированности немцев. Этот особый подход двух великих поэтов к судьбе своего отечества кажется понятным на первый взгляд, однако его анализ раскрывает немецкую особенность в решении этого глобального судьбоносного вопроса для немцев. В то же время мы сталкиваемся с противоречием во взглядах великих поэтов. Попробуем рассмотреть это противоречие на конкретных примерах, раскрывающих особый подход Гёте и Шиллера к глобальным вопросам для Германии того времени.

Основная часть

В одной из Ксений «Das Deutsche Reich» - Германская империя, Шиллер с недоумением восклицает: «Германия? Но где она находится? Я не могу найти такой страны» (Deutschland? Aber wo liegt es? Ich weiß das Land nicht zu finden) [Schiller, 1904: 108].

Однако и Гёте сомневался в том, что можно создать единое отечество для всех немцев без характеристик, указывающих на унижительную раздробленность Германии. Гёте полностью поддержал Шиллера относительно политической культуры Германии: «Германия! Но где же она? Я не могу найти этой страны. Там, где начинается ученая страна, кончается политическая. Вы надеетесь образовать из себя нацию? Напрасно! Но зато вы можете образовать из себя свободных людей» [Шерр, 2005: 149].

Разумеется, в таком контексте анализа возникает вопрос о патриотических чувствах Гёте к своему отечеству, однако Гёте, как и патриоты, призывал ставить на первое место любовь к отечеству:

Dem Erdkreis, der dir angehöret,
Dein Vaterland, o zieh es vor! [Goethe, 1989: 200].

Будущее Германии и Европы волновали Гёте до конца его жизни.

«Жизнь и не должна идти к своей цели так быстро, как мы полагаем и как нам бы того хотелось. Демоны вечно путаются у нас под ногами и мешают нам идти вперед; жизнь, правда, продвигается, но очень уж медленно. Поживите-ка еще, и вы убедитесь, что я прав» [Эккерман, 2007, 367].

На мнение Эккермана о том, что развитие человечества рассчитано на тысячелетия, Гёте отвечал так. «Кто знает, может быть, на миллионы лет. Но сколько бы человечество ни существовало, препятствий на его пути всегда будет предостаточно, так же как и разных нужд, дабы была у него возможность развивать свои силы. Умнее и интереснее, осмотрительнее оно, пожалуй, станет, но не лучше, не счастливее, не деятельнее, или только на краткие периоды. Думается, придет время, когда человечество перестанет радовать Господа и ему придется снова все разрушить и все сотворить заново. Я уверен, что дело к тому идет и что в отдаленном будущем уже намечен день и час наступления этой обновленной эпохи. Но времени у нас, конечно, хватит, пройдут еще тысячи и тысячи лет, прежде чем мы перестанем наслаждаться

этой доброй старой планетой» [Эккерман, 2007, 367-368].

Гёте высоко ценит в правителе сочетание духовных знаний и умение управлять государством. Для Гёте великий герцог был рожден великим человеком. Однако Гёте расширяет границы духовных знаний и умение управлять государством для правителя ещё одним важным компонентом, без которого любое грандиозное начинание и в культуре страны, и в политическом пространстве обречено на провал. Только «цельный человек», согласно Гёте, способен противостоять любым культурно-политическим вызовам эпохи и доводить начатое дело до логического завершения. Гёте не только высоко ценит в правителе это качество, но, скорее, выводит на первый план, разумеется, что в основе личности уже заложены духовные знания.

«Он был цельным человеком, и все, что бы он ни предпринимал и ни делал, вытекало из одного великого источника, поскольку так значительно было целое, значительны были и частности» [Эккерман, 2007, 369-370].

Гёте из опыта управления великого герцога государством выделяет три обязательных и важнейших качества, которые так необходимы для правителя и руководителя и современной эпохи.

Великий поэт с восторгом называет Эккерману эти качества: «В деле же управления государством он опирался на три своих качества: умение быстро распознавать ум и характер каждого и каждого ставить на надлежащее место. Это уже очень много. Далее, был у него еще дар не меньший, если не больший, - его одушевляла истинная благожелательность, чистейшее человеколюбие, он стремился ко всеобщему благу и прежде всего думал о счастье своей страны, о себе он думал в самую последнюю очередь. Всегда он был готов прийти на помощь добропорядочному человеку, способствовать достижению благих целей, тут рука его никогда не оскудевала. Было в нем что-то от Господа Бога. Он хотел бы осчастливить все человечество, а любовь, как известно, любовь и порождает, тому же, кого любят, легко править людьми» [Эккерман, 2007, 370].

И в третьих, согласно Гёте, он был выше тех, кто его окружал и «нелегко было толкнуть его на поступок, недостойный монарха, он отклонял двусмысленные услуги, и, случалось, заступался за отъявленных негодяев. Он хотел все видеть сам и во всем полагаться лишь на себя. При этом он был молчалив от природы, и за его словами всегда следовало дело» [Эккерман, 2007, 370-371].

Тем не менее, Гёте, характеризуя положительные качества великого герцога как правителя и как личность, сам человек остается для него средоточием всех культурных и моральных принципов: «Теперь важно, что весит человек на весах человечества: все остальное суета сует» [Эккерман, 2007, 371].

О единстве Германии, при каких условиях оно возможно и желательно, Гёте ответил Эккерману следующее: «Меня не страшит, если Германия останется разобщенной, наши превосходные шоссейные и будущие железные дороги все равно свое дело сделают. Главное, чтобы немцы пребывали в любви друг к другу! И всегда были против внешнего врага» [Эккерман, 2007, 376].

Гёте положительно относится к единству Германии, если это касается экономических вопросов, поэтому он не против, что Германия должна наконец стать единой во всем, что касается мер и веса, торговли и товарооборота, и еще в сотнях вещей.

Однако для Гёте единое политическое пространство, следовательно, и культурное пространство, немислимо по своей сути. Гёте видит в едином культурно-политическом

пространстве Германии конец для культурного развития личности и вообще для всякого таланта. Гёте категорически заявляет: «Но если кто-нибудь полагает, что такое большое государство, как Германия, должно иметь одну огромную столицу и что такая столица может способствовать развитию отдельных талантов, равно как и благу народных масс, то он жестоко заблуждается» [Эккерман, 2007, 377].

Гёте сравнил с Францией, где одна столица, а окраины менее развиты в культурном отношении, а это, на взгляд Гёте, угрожает и Германии в случае объединения страны,

Гёте высоко ценит Германию и ее культуру и восхищается: «В чем величие Германии, как не в удивительной народной культуре, равномерно проникшей все ее части» [Эккерман, 2007, 378].

Однако Гёте восхищается и раздробленной Германией и ее культурой и заявляет: «Франкфурт, Бремен, Гамбург, Любек – города большие и блистательные, их воздействие на благосостояние Германии огромно. Но остались ли бы они тем, что они есть, утратив свой суверенитет вследствие присоединения в качестве провинциальных городов к какому-нибудь крупному немецкому государству? Я, и, думается, небезосновательно, в этом сомневаюсь» [Эккерман, 2007, 379].

Следует отметить, что Гёте был против таможенного досмотра в пределах немецких княжеств, существования „иностранных паспортов“, а понятие „заграница“, на его взгляд, вообще не должно существовать.

Таким образом, Гёте против единой политической и культурной Германии, но он против понятия „заграница“ и „иностранного паспорта“ в пределах немецких государств, т. е. своей страны. Только так можно, на взгляд Гёте, сохранить удивительно-разнообразную народную немецкую культуру, равномерно охватывающую все культурное пространство раздробленной Германии.

Поразительно отношение Гёте и Шиллера и к французской революции.

Печальная разрозненность Германии, слабость ее политических учреждений заставляла немецких философов, поэтов и писателей излагать свои мечты о радикальных преобразованиях своей страны. Огромное большинство образованных людей Германии приветствовало французскую революцию. Клопшток жалел в 1790 г., что не Германии суждено совершить дело освобождения. Клопшток с болью пел в своих песнях: «Ах, не тебе, моя отчизна суждено было возвыситься до вершин свободы, стать примером для всех народов: этот удел достался Франции! Ты не удостоилась этой величайшей чести, ты не сорвала ветви этой бессмертной славы!» [Шерр, 2005: 149].

«Что касается Гёте и Шиллера, то как по самой натуре своей, так и вследствие убеждения в необходимости спокойного прогресса для успеха цивилизации, они должны были неприязненно относиться к революционному движению» [Шерр, 2005, 150].

Гёте говорил тогда: «Как прежде лютеранство, так теперь в эти смутные дни французы замедляют спокойный ход цивилизации» [Шерр, 2005, 150].

Однако Гёте, не замечая историческое значение событий, связанных с французской революцией, выпустил две драматические карикатуры на великое движение (*der Bürgergeneral, die Aufgerechten*). Разумеется, критики обрушились на Гёте и признавая его величие в немецком культурном пространстве, отметят, что «эта выходка ложится темным пятном на солнце его славы» [Шерр, 2005, 150].

Согласно Шерру, Шиллер инстинктивно понимал великое значение революции, но она казалась ему недостаточно идеальной в своем развитии. Шиллер в страшные дни

революционных событий основал свою газету «die Noren» (1794) и убежденный в своей оценке событий, пишет в предисловии, что «чем более узкие интересы минуты возбуждают, стесняют и поработают умы, тем настоятельнее является необходимость освободить их посредством более общих и высших интересов и соединить разделенный политический мир под знаменем свободы и красоты» [Шерр, 2005, 150].

Следует отметить, что у немецких классиков был хороший пример для подражания относительно проблемы единства своей страны. Поэт Вальтер фон дер Фогельвайде предостерегал против раздора и раздробленности своей отчизны еще в 13 веке:

А с вами, немцы, горе,
Вам любо жить в раздоре.
Порядок есть у мух, у пчел.
А немец дрязги предпочел.
Народ мой! Не впервые
Хотят князьки чужие
Твои разрушить рубежи.
Отдай имперский трон Филиппу,
А тем их место укажи!

[Фогельвайде, 1985, 86].

Однако Вальтер фон дер Фогельвайде, сожалея о снижении немецкой доблести, вскрыл также корни опасности для своего раздробленного отечества и увидел их в неограниченном стяжании, в которых повинен сам человек, погрязший в черных делах:

Увы, в немецких землях доблесть оскудела,
Нет ни богатств, ни разума, ни прежних сил;
А кто в стяжании не ведает предела,
Тот божьей милости себя лишил.

Плох ты, мир, ты совсем оголтел –
Все от черных, от собственных дел

[Фогельвайде, 1985, 146].

Кроме того, эти строки свидетельствуют о том, что патриотизм в Германии до великих катастроф двух мировых войн был «исторически прогрессивным элементом огромного значения, он был связан с представлениями о новом и лучшем общественном порядке» [Prignitz, 1981:2]

Как было сказано выше, Гёте был против французской революции. Клопшток, напротив, жалел в 1790 г., что не Германии принадлежит идея и дело освобождения.

Раздробленность всей Германии погрузила немцев в существование целых 30 отечеств. Из простого географического» понятия единая Германия превратилась для каждого мыслящего немца в нравственную идею. «О, могуча ты, идея отечества!» эти пророческие слова поэта Рюкерта стали истиной в Германии [Rückert, O.J., 103]

Необходимо было «превратить нравственную идею о, могуча ты, идея отечества» в политический факт с названием Deutschland" [Rückert, O.J.: 103]. Однако вместо этого высокого патриотического понятия и национальной конституции после Освободительной войны с Наполеоном немцы получили немецкий «союзный акт» (от 8 июня 1815 г.). Решение это было принято на Венском конгрессе, согласно которому «Германский союз (Deutscher Bund) являлся соединением государей и свободных городов» [Шерр, 2005, 172]. Именно старое устройство

империи привело к ее гибели при вторжении Наполеона. Венский конгресс, как было сказано, обещал выполнить это требование народа, но на деле обманул все его надежды. Таким образом, идея отечества как единого государства немцев продолжала оставаться патриотическим стремлением поэтов и писателей. Убедительным доказательством патриотических помыслов и устремлений Фаллерслебена в 1848 году могут служить слова Шиллера из его незаконченного стихотворения «Немецкое величие» (1805).

Доблесть немца и величье –
 Не в неправде ратных дел.
 Мир духовных достижений –
 Вот достойный нас удел.
 Страны в папский плен попали,
 Цепи Рима нас сковали,
 Первым немец их разбил!

И позор всем детям века,
 Для кого сан Человека
 Не превыше всех корон

[Шиллер, 1975, 813-814].

Шиллер убежден, что все народы на земле озарит сиянье славы. Однако, как истинный патриот, Шиллер указывает:

Нашей славы час пробьет
 Немца день еще придет!»

[Шиллер, 1975, 813-814].

Шиллер своими строками не подразумевает национальное господство своей нации над другими. Шиллер имеет в виду то же единство своей раздробленной страны, что и Вальтер фон дер Фогельвайде.

Час единства, славы для Шиллера означает, что и Германия будет едина в рамках определенной политической культуры, как и другие ведущие европейские страны. Равенство в области культуры с другими народами не волнует Шиллера, ибо оно, на его взгляд, бесспорно. Равенство немцев в политическом пространстве с другими народами для Вальтера фон дер Фогельвайде, Шиллера – это вопрос одинаково судьбоносный, он содержит в себе главный элемент славы и чести немца и Германии.

Разумеется, окончательная победа этих понятий в культурном и политическом пространстве страны не произошла при жизни трех поэтов.

Таким образом, мы и у Шиллера видим противоречие, когда он говорит, что «*час единства, славы*» наступит, поскольку выше в Ксении он сомневается в создании единого государства для всех немцев. Точнее говоря, немцы не в состоянии создать единое культурное и политическое пространство. Раздробление Германии волновало и великого культуролога Хёйзинга, и он с сожалением замечает: «Расщепление Германии на бесчисленные политические единицы, лишь слабыми узами связанные с имперской властью, достигшее своей высшей точки в момент заключения в 1648 г. Вестфальского мира, в истории чаще всего определяется исключительно как несчастье и в определенном смысле бесчестье для немцев» [Хёйзинга, 2010, 236].

Хёйзинга согласен, что с чисто политической точки зрения против этого суждения мало что можно возразить. Хёйзинга также уверен в том, что и «конфигурация латинского Запада, без

сомнения, была бы более здоровой и гармоничной, если бы уже в Средневековье, наряду с такими сильными государствами, как Франция, Англия и Испания, имелась и прочная Германия – вместо политического монстра под названием Священная Римская империя» [Хёйзинга, 2010, 237].

Однако, согласно Хёйзинге, «рассмотрение этого вопроса с точки зрения ценности и здоровья западной культуры в целом приводит к совершенно другому мнению» [Хёйзинга, 2010, 237].

Хёйзинга высоко ценит культуру раздробленной Германии. «Раздробленность Германии никак не препятствовала тем великим достижениям, которыми мировая культура обязана этой стране, — а некоторым так даже способствовала. Представить себе, например, Гёте в едином германском государстве просто невыносимо. Всё то, что придает непреходящую ценность вкладу германского духа в культуру, не было бы ни более великим, ни более прекрасным, ни более благотворным, если бы возникло исключительно в некоей большой и единой Германии» [Хёйзинга, 2010, 237].

Следует выделить особое благоприятное влияние раздробленности целого государства на его составные части, княжества, герцогства и т. д., которые окружали себя не только самобытной культурой, но именно эти маленькие пространства помогали им с особой немецкой заботой окружить тем же немецким уютом свои владения. «Крохотные немецкие государства, даже те, которые своим возникновением были обязаны удачному брачному союзу или наследству, очень быстро делались маленькой родиной для своих жителей, местом, в котором ограниченное сообщество чувствовало себя как дома и с которым каждый человек ощущал свою связь» [Хёйзинга, 2010, 237].

Разумеется, они были несовершенны в смысле политической культуры и ее структур, хотя их жители чувствовали культурное единение и политическую защищенность, поскольку князь или герцог содержали в себе для обывателя главное понятие «защита». «Они обладали теми же пороками, что существуют в любом человеческом обществе. Нередко они имели в качестве правителей недалеких князей, которые, уделяя внимание исключительно вопросам первенства или своим метрессам, безрассудно расточали богатства этих карликовых владений» [Хёйзинга, 2010, 238].

«Но они же давали миру то Баха, то Гёте. В конце концов пришел Наполеон и свел примерно 1.800 германских государств к небольшому числу. И лишь будущие поколения смогут решить, в какой степени было преимуществом и для самой Германии, и для европейской культуры то, что два с половиной десятка государственных единиц, которые в 1815 г. ещё с заметной долей самостоятельности возродились в Германском союзе» [Хёйзинга, 2010, 238].

Таким образом, анализ показал, что не только Гёте и Шиллер были против единого централизованного государства, но и Хёйзинга не мыслит появления в едином германском государстве самих великих поэтов. Ценность вклада германского духа в общую европейскую культуру, возникшая не в единой Германии, по мнению Хёйзинги, огромна и независима от понятия единая Германия.

Хёйзинга, развивая свою мысль о благоприятном влиянии периода раздробленности Германии на развитие культуры, указывает: «Углубленному проникновению в бытие, которое, если хотите, можно назвать романтизмом, мы обязаны появлению Гёте и Бетховена, всего расцвета наук о культуре: истории, филологии, этнографии и др.» [Хёйзинга, 2010, 133].

Подводя итог сделанного анализа, можно утверждать, что Гёте и Шиллер раскрывают немецкую культурную особенность периода государственной раздробленности Германии,

которая самым благоприятным образом способствовала развитию культуры. Хёйзинга идет ещё дальше, когда указывает, что именно период раздробленности дал немецкой культуре Гёте, Шиллера, Баха и других великих представителей. Хёйзинга сомневается в своих выводах, он не категоричен, но в оценке Гёте и Шиллера совершенно ясно присутствует противоречие, поскольку ими признается позитивное влияние политической раздробленности Германии на немецкую культуру, они не только отвергают единение своей страны, но и опасаются этой тенденции, считают немцев неспособными для решения глобальных политических задач, но в то же время надеются, что час единства и славы немцев наступит.

Следует подчеркнуть, что эта любовь Гёте и Шиллера к политической раздробленности немцев, резко изменится позже у поэтов-патриотов, они выдвинут понятие, скорее лозунг-призыв, Германия, Германия превыше всего как культурное и политическое единение немцев в одном отечестве. Поэт-патриот, националист Карл Зимрок, сожалея о том, что у немцев нет единого отечества, восхищается прекрасным старым названием Deutschland в одноименном стихотворении:

Deutschland, Deutschland über alles,
Schönes altgesprochenes Wort!
Darben wir des Vaterlandes [Simrock, 1907, 115-116].

Разумеется, следует назвать с таким же названием стихотворение Х. Фаллерслебена (1841), которое было тогда выражением протеста против раздробленности Германии. Прав Хёйзинга, когда говорит, что только будущие поколения немцев смогут окончательно оценить значение немецкой раздробленности для немецкой культуры.

Заключение

Ценностное и культурное осмысление раздробленности Германии для современного общества является актуальным, поскольку сегодня во многих государствах наблюдается тенденция к политической и культурной обособленности.

Анализ показал, что Гёте и Шиллер породили специфический подход к пониманию проблемы раздробленности Германии, который считается сугубо немецкой культурной особенностью. Однако этот подход содержит в себе и противоречие несмотря на то, что культурный потенциал, порожденный этим периодом, является сегодня великим культурным достоянием не только для немцев, но и всей европейской культуры.

Библиография

1. Вальтер фон дер Фогельвайде. Стихотворения. М., 1985.
2. Хёйзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. СПб., 2010.
3. Шерр И. Германия. История цивилизации за 2000 лет. Т. 2. Минск, 2005.
4. Шиллер Ф. Драмы. Стихотворения. М., 1975.
5. Эккерман И. П. Разговоры о Гёте. Рипол классик. М., 2018.
6. Goethe J. W. Faust. Erster Teil. Dresden, 1989.
7. Goethes Gedichte. Bd. 1 Leipzig. O. J. S.
8. Prignitz C. Vaterlandsliebe und Freiheit. Wiesbaden, 1981.
9. Rückerts Friedrich gesammelte Werke. / Hrsg. von Dr. K. Macke. Berlin, O. J.
10. Schillers sämtliche Werke in 16 Bänden, Bd.2. Stuttgart-Berlin, 1904.
11. Simrock K. Gedichte. Leipzig. 1907

Goethe and Schiller: Cultural and political controversy over the problem of German unity

Fatima K. Fidarova

PhD in Cultural Studies,
Associate Professor at the Department of German Language and Culture,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: fidarova@inbox.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the attitude of the great German classics Goethe and Schiller to the problem of "the unity of Germany", "the united country" in the cultural and political space. The public consciousness of the people is formed based on the existing culture, which, in turn, absorbs the historical situation and the political culture of the country. The great poets and writers of Germany have always sought to immerse themselves in the cultural and historical challenges of their country and to identify their political views. However, the attitude of Goethe and Schiller towards the French Revolution and the creation of a united Germany remains a surprising and practically little-known fact. Goethe and Schiller chose a path without revolutionary upheavals as the basis for the cultural and political stability of their country. Choosing humanity as the main aspect of their attention, what a person weighs on the scales of humanity, Goethe and Schiller, as the main representatives of the era of the German Enlightenment, do not believe in the future centralized beginning of Germany. Goethe is not afraid if Germany remains divided, for him the main thing is to preserve the excellent structure of the country as an indispensable guarantee of success in the space of culture and political superiority. Nevertheless, Goethe's main condition is that the Germans remain in love with each other! And we have always been against an external enemy. The relevance of this topic is dictated by the current crisis of cultural and political values in Europe, but this analysis of the views of great poets, "leading personalities", can contribute to the search for a peaceful solution to political and cultural contradictions in the context of political culture.

For citation

Fidarova F.K. (2024) Goethe i Schiller: kul'turno-politicheskoe protivorechie otnositel'no problemy edinstva Germanii [Goethe and Schiller: cultural and political contradiction regarding the problem of German unity]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 14 (8A), pp. 218-227.

Keywords

Culture, united Germany, governance, cultural isolation, contradiction.

References

1. Walter von der Vogelweide. Poems. Moscow, 1985.
2. J. Huizinga. Shadows of tomorrow. Man and culture. A darkened world. St. Petersburg, 2010.
3. Scherr I. Germany. The history of civilization for 2000 years. Vol. 2. Minsk, 2005.
4. Schiller F. The drama. Poems. Moscow, 1975.

-
5. Eckerman I. P. Conversations about Goethe. Ripol classic. Moscow, 2018.
 6. Goethe J. W. Faust. Erster Teil. Dresden, 1989.
 7. Goethes Gedichte. Bd. 1 Leipzig. Amtsblatt.
 8. Prignitz C. Vaterlandsliebe und Freiheit. Wiesbaden, 1981.
 9. Rückert's Friedrich gesammelte Werke. / Aufl. von Dr. K. Mackie. Berlin, Abt.
 10. Schillers Gesamtwerk in 16 Bänden, Bd.2. Stuttgart-Berlin, 1904.
 11. Simrock K. Gedichte. Leipzig. 1907